

Глава 17

Бай Цзыму понял, что этот парень не только не любит поступать по-человечески, но и говорить по-человечески тоже не очень-то умеет.

Делать было нечего. В конце концов он вытянул шею, покрутил по сторонам, принюхался маленьким носиком, словно выискивая какой-то запах, и повёл Цзян Сяои к западной горе.

На вершине той горы была бамбуковая роща.

Они стояли у подножия западной горы. По обе стороны тропы росла сорная трава, а выше начинались поля. Соевые бобы ещё не посадили, и кукурузные стебли на полях ещё не срубили. Если поднять голову, то кроме сухих жёлтых стеблей ничего не было видно — вершина горы скрывалась из виду.

Цзян Сяои нужно было ещё идти в горы за дровами, времени у него было в обрез. Он потянул за лиану, не давая Бай Цзыму идти дальше.

— Пора домой.

Бай Цзыму замер.

«Вот так зря только выходили».

Он с тоской посмотрел на вершину горы, потом на свои лапы, а затем перевёл взгляд на Цзян Сяои. Если он перегрызёт эту лиану, сможет ли он убежать от этого бессердечного типа?

У того ноги длиной в метр, а его собственные... палочки для еды и то длиннее. Ладно, лучше не рисковать. А то вдруг этот старина вернётся домой, наточит нож и зарежет его?

Цзян Сяои отвязал лиану и, взяв Бай Цзыму на руки, собрался идти обратно.

— Сяои?

Кто-то его окликнул.

Цзян Сяои обернулся и увидел супруга сына старосты деревни, гэ'эра по имени Ван, который был родом из деревни Сяохэ.

Он уже много лет жил в деревне Сяошань, был трудолюбивым и часто работал в поле. Иногда они встречались на дороге, так и познакомились.

Цзян Сяои увидел, что в руках у него тесак, заострённая с двух концов палка и несколько полосок бамбуковой коры, которые в деревне часто использовали для связывания дров. Он спросил:

— Ван-дагэ, за дровами идёшь?

Гэ'эр Ван, не сводя глаз с Бай Цзыму, покачал головой.

— Нет, просто срежу немного кукурузных стеблей для растопки.

Они хорошо разгорались и облегчали розжиг огня для готовки. Но крестьяне обычно оставляли часть стеблей на поле, чтобы сжечь их и удобрить землю. Цзян Сяои в прошлые годы поступал так же. Когда кукурузных стеблей не хватало, он ходил в горы за сосновыми иголками.

Бай Цзыму посмотрел на живот гэ'эра Вана и подумал: «Вот это дела у старины». Такой симпатичный парень, на вид лет двадцати, а пивной живот такой, будто на восьмом-девятом месяце беременности. Как он теперь жену себе найдёт?

Судя по одежде, он был одет получше, чем Цзян Сяои в своих залатанных вещах, но семья у него, видимо, тоже была не из богатых. И при таких условиях умудриться наесть такой живот — это талант.

Бай Цзыму втайне покачал головой и вздохнул. Когда он только спустился с гор и работал на стройке, старшие товарищи говорили ему, что в наше время жену найти очень трудно. Но Бай Цзыму не чувствовал никаких трудностей. Куда бы он ни пошёл, богатые женщины постоянно подсовывали ему свои визитки, а молодые девушки преследовали его так, что он не знал, куда от них деваться. Если бы он захотел, мог бы жениться хоть на целой толпе.

Но Бай Цзыму не хотел жениться. Женщины только мешали ему спать. К тому же, спать одному так здорово, не правда ли?

Старшие товарищи, видя, что он не верит, понимали, что у этого парня лицо, созданное для того, чтобы есть мягкий рис, и, вероятно, солидное прошлое. Хотя он был отличным работником, один за троих, но ленился так, что другим и не снилось. Если другие работали три дня и два отдыхали, то Бай Цзыму работал один день и брал три дня отпуска, чтобы выспаться, а потом возвращался. И при этом начальник не решался его уволить.

К тому же, Бай Цзыму постоянно твердил, что он бедный и его заветная мечта — купить себе электровелосипед на свои деньги. Но на работу он приезжал то на «Майбахе», то на «Роллс-Ройсе», из-за чего толпы девушек каждый день осаждали стройку, требуя встречи с ним. Это создавало слишком много проблем. Начальник был вынужден провести с ним долгую беседу.

После этого Бай Цзыму послушался и перестал ездить на своих машинах. На работу и с работы

его теперь возили то начальник полиции, то директор больницы. Когда его спрашивали, в каких он с ними отношениях, он отвечал, что это его праправнуки, и хвастался, что раньше города А, В, С и D принадлежали его секте. Он был маленьким принцем этой секты. Мастер сказал, что он не такой способный, как его старший брат, поэтому оставил ему эти земельные грамоты, чтобы у него всегда был кусок хлеба. Но теперь нравы упали, и люди стали не те. Когда он обратился в соответствующие органы, ему сказали, что его пачка земельных грамот просрочена, и обвинили в подделке документов. Его даже хотели посадить в тюрьму. Он пошёл, два дня поработал на швейной машинке, заработал четыре большие пампушки и две миски риса. Вот было здорово.

Все были в шоке и спрашивали, неужели он и вправду сидел в тюрьме?

Бай Цзыму честно кивнул.

— Да, я сидел восемь раз. Две швейные машинки там сломал.

Хотя Бай Цзыму совершенствовался триста лет, для демонов, которые были практически бессмертны, его возраст был совсем небольшим. В человеческом обличье он выглядел на восемнадцать-девятнадцать лет.

Старшие товарищи, видя, что он в таком юном возрасте уже восемь раз сидел в тюрьме, и к тому же хвастался, что в полицейском участке чувствует себя как дома, и каждый раз, когда он хотел остаться подольше, начальник лично приходил и со слезами на глазах умолял его уйти, что ставило его в очень неловкое положение, не верили ни единому его слову. Говорить такую чушь и при этом спокойно разгуливать на свободе — без связей и прошлого тут не обошлось, даже призраки в это не поверили бы. Красивый, влиятельный, Бай Цзыму не мог понять горестей простых работяг.

Позже один из старших товарищей указал на людей и сказал ему, что в их небольшой бригаде из двадцати с лишним человек вон те, и те, и вон те — всем уже за тридцать, а они всё ещё холостяки.

Бай Цзыму не поверил.

— У брата Цао же есть жена. Почему вы говорите, что он холостяк? Старина, не надо меня обманывать, я же доверчивый.

— Он работает вдали от дома, три года не был дома. На прошлый национальный праздник вернулся, а его жена на седьмом месяце беременности. Теперь старина Цао тоже в нашем холостяцком лагере.

Бай Цзыму замолчал.

Проведя несколько лет в обществе, он понял, что девять из десяти его коллег — холостяки. И тогда он постепенно осознал, что в наше время жену найти действительно нелегко.

К счастью, он не хотел жениться, иначе пришлось бы туго.

Этот старина, судя по всему, был беден, дома у него, наверное, и мыши тощие. И при этом у него такой живот. Скорее всего, он так и не найдёт себе жену.

Жалко, очень жалко.

Бай Цзыму вздохнул.

В деревне, встречаясь на дороге, люди всегда перебрасывались парой слов.

Цзян Сяои и гэ'эр Ван, стоя вместе, тоже начали болтать. Бай Цзыму молча слушал их разговор, и чем дальше, тем больше ему казалось, что что-то не так.

— А почему брат Гоуцзы с тобой не пошёл? — спросил Цзян Сяои.

Гоуцзы был третьим сыном старосты деревни.

Гэ'эр Ван посмотрел на Цзян Сяои, явно колеблясь. Он открыл рот, словно хотел что-то сказать, но не решился, и в итоге произнёс:

— Он сегодня с отцом пошёл полоть землю и сажать бобы, поэтому я один.

— Вот как, — сказал Цзян Сяои, его взгляд упал на живот собеседника, и он улыбнулся. — Я смотрю, тебе уже скоро рожать.

Гэ'эр Ван погладил живот с нежной улыбкой. Они с Ван Гоуцзы были женаты много лет, прежде чем он забеременел этим ребёнком, и они очень его ждали.

— Да, почти девять месяцев. Мы, гэ'эры, не как девушки, которые рожают через девять месяцев. Думаю, уже на днях.

Цзян Сяои с завистью сказал:

— Тогда будь осторожнее, Ван-дагэ.

— Знаю.

Бай Цзыму молчал.

Он уставился на живот гэ'эра Вана, его глаза широко раскрылись.

«Что за чертовщина?»

Эти двое что, из какой-то страны ва-ва? Почему они говорят на тарабарщине, а я ни слова не понимаю?

Что значит «скоро рожать»?

Это то, о чём я подумал?

Но... это же не пивной живот?

Или этот парень настолько крут, что может даже детей рожать? Если так, то он круче меня!

Всего несколько фраз, а у Бай Цзыму уже чуть не сгорел процессор. В голове была полная каша. Огромный живот гэ'эра Вана заставил его почувствовать, что его мировоззрение разбилось вдребезги.

Гэ'эр Ван не удержался и погладил Бай Цзыму, потом ещё немного поговорил с Цзян Сяои и ушёл.

Цзян Сяои решил пойти к западной горе, потому что там было меньше людей. Ему нужно было спешить на работу. Медвежонок был милым, и если бы его кто-нибудь увидел, то непременно захотел бы погладить. Он помнил, как все были в восторге от медвежонка. Задержка была небольшой, но Цзян Сяои торопился домой. Бай Цзыму застыл, оцепенев от шока. Он выглядел сбитым с толку, словно заново познавал мир.

Цзян Сяои не заметил странного состояния Бай Цзыму. Он вернулся домой, приготовил завтрак, взял тесак и снова отправился в горы.

Бай Цзыму умирал с голоду. Вернувшись, он не обращал внимания на приставания Цзян Сяосаня. Цзян Сяоэр дал ему немного воды, после чего он завалился на кровать и проспал весь день. Только к вечеру, когда Цзян Сяои вернулся с последней вязанкой дров, он резко открыл глаза.

Плечи Цзян Сяои невыносимо болели. Цзян Сяосань принёс ему воды. Осушив чашку, он утолил жажду и посмотрел на закрытую дверь своей комнаты.

— Мишка всё ещё спит?

— Ага! — Цзян Сяосань сморщил личико, провёл рукой по носу, вытирая сопли, и, как маленький старичок, обеспокоенно сказал: — Мишка, кажется, не в духе, совсем без сил...

Не успел он договорить, как из комнаты вылетел медвежонок, бросился к Цзян Сяои, обнял его за ногу и устался на корзину за его спиной.

Его взгляд был таким горячим, что казалось, два его чёрных глаза-бусинки светятся. Цзян Сяои, догадавшись, опустил корзину и достал оттуда два бамбуковых побега.

Тут же он увидел, как глаза медвежонка расширились, дыхание участилось, а маленькие ноздри раздулись. Он был явно взволнован. Сжав губы, он, словно волк, протяжно завыл, потом принялся тереться о бамбук, сел на землю, протёр побеги о ногу и с хрустом принялся их есть.

Цзян Сяои замер.

«Какой чистоплотный медведь».

Цзян Сяосань вскрикнул и забегал вокруг Бай Цзыму.

— Ай-я-я, ай-я-я, так мишка любит бамбуковые побеги! Брат, как ты догадался?

Цзян Сяои ни о чём не догадывался, просто повезло.

Днём, когда он возвращался с дровами, он услышал шорох в бамбуковой роще у дороги. Подойдя ближе, он увидел бамбуковую крысу, грызущую побеги.

Бамбуковые крысы, хоть и назывались крысами, были крупнее обычных, с более длинной шерстью.

Обычные бамбуковые побеги появляются после дождя, обычно с февраля по апрель. А бычий хвост — это осенний побег, его сезон — с мая по октябрь.

Цзян Сяои подумал, что через пару дней, когда он пойдёт в город продавать дрова, можно будет заодно прихватить и немного побегов.

Сейчас все были заняты на полях, и в горы за побегами ходили немногие. В городе их, скорее всего, будет мало, и они хорошо продадутся.

Когда все закончат с полевыми работами, ему придётся идти за побегами в дальние горы.

В последний заход Цзян Сяои взял с собой корзину и наломал много побегов. Он и не думал, что медвежонок, как и бамбуковая крыса, любит это лакомство.

Видя, как тот уплетает за обе щёки, торопливо, разбрасывая вокруг бамбуковую кожуру, не доев один побег в левой лапе, уже хватая другой правой, словно боясь, что у него отнимут, Цзян Сяои рассмеялся.

Но он не знал, как горько было на душе у Бай Цзыму.

Именно из-за желания поесть знаменитых бычьих хвостов из Чунчжоу его и ударила молния.

Легко ли ему?

Нет, нелегко!

Цзян Сяои погладил его по голове и, вспомнив, как тот утром жестикулировал, невольно улыбнулся. Утром он ничего не понял, а теперь, когда понял, нашёл, что медвежонок изображал всё очень наглядно.

Бай Цзыму, съев целую корзину побегов, радостно рыгнул. Насытившись, он снова захотел спать. Но, подойдя к двери комнаты Цзян Сяои, он вдруг вспомнил слова гэ'эра Вана.

«Мы, гэ'эры...»

Если бы он не видел гэ'эра Вана, Бай Цзыму бы и не задумался. Но теперь он был в замешательстве.

Цзян Сяои тоже мог рожать. Стоит ли ему и дальше спать с ним?

Он же суровый мужчина.

Если Цзян Сяои узнает его настоящую сущность, не заколет ли он его ножом?

Заметив, что он остановился, Цзян Сяосань, радостно смеясь, подбежал, присел рядом, погладил Бай Цзыму по голове, шмыгнув носом и тоненьким голоском спросил:

— Мишка, почему не заходишь? Хочешь спать с Сяосанем?

Бай Цзыму тут же бросился в комнату Цзян Сяои.

Шутка ли?

Спать с Цзян Сяосанем и Цзян Сяоэром — это всё равно что идти на верную смерть.

Хотя спать с Цзян Сяои — тоже смерть, но между ранней и поздней смертью любой знает, что выбрать.

Его спина, когда он убегал, выглядела панической, словно он спасался бегством. Цзян Сяоэр, наблюдая за этим, хихикал.

<http://bllate.org/book/13701/1584700>